

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 304.2; 51.06.01

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.10

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

Жмаева Оксана Сергеевна

Аспирант Южно-Российского
гуманитарного института,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: dizdec@mail.ru

POSTSTRUCTURALISM AND CULTURAL TEXT

Oxana S. Zhmaeva

Post-graduate student,
South-Russian Humanities Institute,
Rostov-on-Don,
e-mail: dizdec@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния постструктурализма на понимание культуры как текста в ситуации постмодерна. Демонстрируется, что текст трактуется не как совокупность лингвистических высказываний, язык и речь (письмо), а расширенно, как всеобщая подвижная структура знаков, сигналов, образов, рассказов, языков, следов и наслоений. В духе теории постструктурализма это децентрированный гипертекст, в котором подрываются авторитеты и царит радикальный плюрализм истин, ценностей. Показано, что прежние проекты исторического прогресса замещаются сценариями нелинейного развития общества. Следствием анализа является раскрытие сути подмены истории рассказами и нарративами – постановка под сомнение фундаментальных истин.

Ключевые слова: постструктурализм, постмодернизм, текстуальность, деконструкция, гипертекст, гиперреальность, интертекст.

The article is devoted to the analysis of the influence of poststructuralism on the understanding of culture as text in postmodern. The author demonstrates that the text is interpreted not as a collection of linguistic statements, language and speech (writing), but more widely as the universal mobile structure of signs, signals, images, stories, languages, traces and layers. According to the poststructuralism theory in the decentered hypertext the authority and reigns radical pluralism of truths, values are undermined. It is shown that previous projects of historical progress are replaced by a non-linear scenarios of societal development. The result of the analysis is the revelation of the essence of the substitution of history with stories and narratives – questioning the fundamental truths.

Keywords: poststructuralism, postmodernism, textuality, deconstruction, hypertext, hyperreality, intertextuality.

Введение

Исторически культура рассматривалась во множестве аспектов, среди которых выделяется понимание культуры как совокупности ценностей, иерархию которых венчают вечные ценности добра, истины, красоты и веры. Переоценка ценностей в эпоху декаданса – эрозия христианской морали, «смерть Бога», пессимизм в отношении научного прогресса, эстетизация безобразного – приводит к углублению субъективности и постановке духовности личности в центр внимания. Однако в середине XX в. снова происходит изменение социокультурного и познавательного интереса – с интеллектуализма на вопросы телесности и текстуальности. Культура трактуется как текст в широком смысле слова, что заставляет пересматривать вопросы антропоцентризма, истории, прогресса, парадигмы развития культуры и различных мироустроительных проектов. Эпоха информационного общества, сверхсложные структуры культуры и цивилизации, синергетика развития и радикальный плюрализм позволяют поставить по-новому вопрос о символическом потреблении и обмене.

Культура как совокупность различных текстов представляет собой гипертекст, или безграничный текст, согласно теории постструктуралистов [1, с. 310–314, 418–420]. В этом ключе методология анализа рассматривается через призму художественности мышления, что выражает дух «постмодернистской чувствительности». Значительным фактором художественного мышления выступает метафорический характер языка, его склонность к поэтической текстуальности в том числе и теоретического содержания. Возникает тренд отождествления точных наук и художественной литературы. Тем самым подрываются авторитеты и непреложные истины, которые могут быть неоднозначно интерпретированы. Характерной чертой этого явления считается принцип «методологического сомнения», который выражает скептицизм к ценностям западной культуры.

Теория постструктурализма

В самом общем плане теория постструктурализма – это выражение философского релятивизма и скептицизма, «эпистемологического сомнения», являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания [2, с. 6]. В основе этой теории заложена негация рационализма как источника упорядочения познания, которая раскрепощает воображение и подавляет мыслительный процесс. Таким образом, постструктурализм, пришедший на смену структурализму, опровергает его основные установ-

ки. Общепринятые истины и ценностные ориентации подвергаются критике. Оспариваются доктрина бинаризма и эпистема логоцентризма, ставится под сомнение необходимость логической аргументации, отрицается концепция целостности знания.

Фундаментальным основанием теории постструктурализма является децентрация структуры, в которой опровергается существование центра из-за несостоятельности его образующей основы. В связи с децентрацией освобождается строгое понятийное значение и тексту навязываются смыслы различных интерпретаций. Децентрация структуры подвергает сомнению автономность сознания человека. Человеческое сознание становится функцией, погруженной в массив текстов, из которых оно извлекает смыслы путем копирайтинга и интерпретаций. Одной из главных задач постструктуралистов считается установление корреляции индивидуального сознания и стереотипов присущих текстам рассматриваемой эпохи. Каждой исторической эпохе соответствуют стереотипы мышления, которые обусловлены уровнем культурного развития своего времени.

«Все уже сказано» и «неважно, кто говорит»?

В условиях утраты ценностей культура понимается как многослойный текст и текстуальность (письмо, речь). По мнению Ж. Деррида, «ничего не создается вне текста». Любой рассказ, описывающий явление, отсылает к иному тексту, вписанному в поток других историй и интерпретаций, и эти «рассказы в рассказах» (Р. Барт) совершенно не открывают бытия, они не могут вывести бытие в присутствие (М. Хайдеггер). Поэтому текст невозможно вписать в рамки или пределы, определить первопричину и задать истинный смысл. В процессе означивания становится невозможным определение единственного источника текста. Так как текст устанавливается знаками, находящимися среди связей языковой системы, он не может быть воспринят в пределах индивидуального опыта автора. Поэтому не существует «субъекта» как источника письма, скорее тексты пишутся при помощи субъекта [3, с. 209]. Поэтому нет ничего вне текста, никакой трансцендентности прежней «западной логоцентрической традиции». Отсюда начинается переосмысливаться сущность знака и значения – знак утрачивает свой денотат, а его значение определяется контекстом, который в прежней модели имел второстепенное значение [4, с. 45–97]. Более того, письмо, графема ставится во главу устного слова, фонемы, которая давала ощущение соприсутствия между собеседниками. Главная идея приоритета письма над устной речью в том, чтобы нивелировать связь между означаемым и означающим. Между означающим и означаемым

устанавливается конвенциональная связь, а смысл – это ментальный образ. По сути, речь идет о том, что в гипертексте культуры «все уже сказано» и «неважно, кто говорит» пространственно-временное общение между собеседниками теряет смысл. Именно такой характер имеет коммуникация в Интернете, где идет обмен знаками, образами, транслируемыми фонами.

Гипотеза о «трансцендентальном означаемом» любого дискурса также требует деконструкции, ибо выносит область языкового значения в конечном счете за пределы самого языка [3, с. 207]. Деконструкция несет в себе разрушение основ, раскрытие бинарных оппозиций для борьбы с иерархией, оспаривание концепции первичности и устранение абсолютного смысла (Ж. Деррида). Идея различия (difference) доминирует в иерархии по отношению к идее аппозитивного различия (differance). Различение – не только ликвидация противоположностей и их взаимодействия, но и размывание любого полярного процесса дифференциации. Со временем знак перевоплощается в след, который разграничивает обозначаемое явление и знак.

Интертекст в культурно-историческом опыте

Однако существует проблема интерпретации истинного смысла, заложенного в тексте. Возникновение данной проблемы связано с немислимостью передачи языком реальности. Смысл текста рассматривается в тандеме с языком. Вопрос актуализируется в связи с трактовкой языка как базы формирования социальных институтов. При всей красочности языка он не в состоянии передать в полной мере суть действительности вследствие бесконечного перевода межъязыковых понятий и ссылок к несуществующему прототипу. Не представляется возможным определение первоначального языка, обуславливающего исходный смысл. Также многочисленность языков в мире затрудняет понятийный аппарат из-за проблем перевода. Текст становится аналогией языка, как и язык, он воплощает наслоения множества разного рода текстов. Соответственно, он рассматривается как преобразование совокупности наслоений текстов в интертекст. Само понятие интертекстуальности ввела Ю. Кристева для определения общего свойства текстов, проявляющихся в существующих связях, согласно которым тексты отсылают друг к другу. Интертекст тесно связан с текстуальностью, так как письмо является предпосылкой для формирования истории. Таким образом, знание есть совокупность историй, которые пишутся, переписываются, интерпретируются и наслаиваются друг на друга. По сути, знание отождествляется с культурно-историческим опытом.

Немаловажную роль в трансформации постструктурализма в постмодернизм сыграли эссеистско-критические труды Р. Барта, которому удалось сформулировать ряд ключевых положений, касающихся места и значения автора в формировании произведения, категории письма, интертекстуальности [5, с. 24]. Главная задача, которую Барт ставил перед собой, – это разрушение стереотипа в предоставлении авторских прав над смыслом книги ее читателю. Если «неважно, кто говорит», то текст обретает множество отголосков различных культур, что способствует приобретению массы смыслов. В современном мире существует проблема вторичности как специфичной черты сознания, которая проецируется в культурном опыте. Культурный опыт складывается из навязанных идеологических значений в реалиях «неподлинности мира». Знаковые системы считаются отражением культурных явлений и коммуникаций. Иллюстрации данного феномена рассматриваются с точки зрения коннотативной семиологии. Ключевым понятием данной теории выступает термин «миф», или «метаязык», относящийся к вторичной семиологической системе, навеянный тенденцией демистификации современного общества. Миф – это неотъемлемая часть современной культуры, коммуникативная система, цель которой – создание образа такой действительности, которая способна изменить взгляды и ценностные установки общества. Миф умело маскируется в повседневной жизни, вуалируя свою идеологию под маской естественности. Он проникает в повседневную жизнь и становится ее частью [6, с. 4–9]. Поглощенные мифом умы массового общества зациклены на засилье вещных ценностей. Поэтому изучение методов манипуляции сознания и его влияния на повседневную жизнь связано с форматированием смыслов и значений, неосознанно воспроизводимых обществом с помощью коннотативных знаковых систем.

Гиперреальность клише массмедиа

Кардинальные перемены, движимые силой воздействия массмедиа, затронули массовое сознание. Трансформируя культуру, массмедиа разрушают каноны реальности. Мы теперь живём не реальностью, а гиперреальностью – обозначаемое заменено знаками [7, с. 45]. Согласно Ж. Бодрийяру, гиперреальность поглотила реальность, но, действуя в ее пределах, заняла главенствующее место, предлагая искусственный мир воображения и фантазий. Самоотнесенность знаков происходит по причине невозможности определения их основания в пределах собственной реальности, так как они погружены в искусственную модель мира. Виртуальная реальность, захватывая умы человечества, уничтожает сопоставимость вещей и знаков. Обществен-

ное сознание дестабилизируется средствами массмедиа из-за утраты связей с реальностью. Гиперреальность вызывает зависимость сознания от искусственной модели мира. Отныне гиперреальное экранировано от воображаемого и от какого-либо различия между реальным и воображаемым, оставляя место лишь орбитальному самовоспроизведению моделей и симулированному порождению различий [8, с. 7]. Стирается понимание действительности, происходит замена реальности, которую замещает симулякр. Предложенные Бодрийяром модели для симулякров заложены в схеме трех порядков, демонстрирующих их историческое развитие, охватывая временные пределы от Возрождения по настоящее время. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности [9, с. 111]. Таким образом отображается картина развития современного общества. Каждый порядок переосмысливается, в следующем порядке повышая разряд симулякров. Раскрытие основных постулатов трехчленной системы дает возможность осмысления современной «структурной революции ценности». Захват симуляцией лидирующих позиций отражается на системе ценностей и общественной жизни. Сегодня вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции [9, с. 44].

Согласно мнению Ж. Бодрийяра, в настоящее время отсутствует символический обмен, задающий организационную форму общества. Неизменной чертой «символического», встречающейся повсеместно, является обратимость. Радикализация всех гипотез направлена на апофеоз финального действия – «обращения системы против нее самой». Массовое сознание деструктивно воздействует на уровень культуры современного общества. Деконструкция знания становится кульминацией разрушающей силы массмедиа, бесконечного письма и конструирования историй.

Заключение

Таким образом, текст подменяет историю, истина понимается как то, что означает слово в тексте. Культура, понятая как текст в ситуации постмодерна, становится производством знаков, мифов и рассказанных историй с варьируемым содержанием, бесконечной интерпретацией и радикальным плюрализмом, нивелирующим истину.

Литература

1. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2008. 608 с.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
3. Мерло-Понти М. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. 320 с.
4. Степанов Ю.С. Семиотика: антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.
5. Усовская Э.А. Постмодернизм. Минск, 2006. 256 с.
6. Мирская Л.А. Современная мифология и проблема души. Ростов н/Д.: Март, 1999. 254 с.
7. Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392 с.

References

1. Rudnev V.P. Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury XX veka. M.: Agraf, 2008. 608 p.
2. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. M.: Intrada, 1996. 256 p.
3. Merlo-Ponti M. Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka. Tomsk: Vodoley, 1998. 320 p.
4. Stepanov Yu.S. Semiotika: antologiya. M.: Akademicheskiiy proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. 702 p.
5. Usovskaya E.A. Postmodernizm. Minsk, 2006. 256 p.
6. Mirskaya L.A. Sovremennaya mifologiya i problema dushi. Rostov n/D.: Mart, 1999. 254 p.
7. Khart K. Postmodernizm. M.: FAIR-PRESS, 2006. 272 p.
8. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsii. M.: Postum, 2015. 240 p.
9. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2015. 392 p.

Поступила в редакцию

9 января 2018 г.